

A man with a mustache, wearing a green military uniform and a peaked cap with a red star, stands in a village. He is wearing a belt with pouches. In the background, there are wooden houses and trees under a blue sky with clouds.

Борис Ветров

Маленькая ЖИЗНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Ветров

Маленькая жизнь

«Автор»

2026

Ветров Б.

Маленькая жизнь / Б. Ветров — «Автор», 2026

Отставному капитану российской армии, устроившемуся сторожем в обычный дачный поселок, придется вступить в схватку и с местной бандой, и с международной сетью торговцев детьми.

© Ветров Б., 2026

© Автор, 2026

Борис Ветров

Маленькая жизнь

Электричка зашипела и выпустила из себя порцию пассажиров. Потянулись вниз, к поселку, разнокалиберные по возрасту люди. Большинство все-таки пожилые. Катили за собой тележки, тащили, сгибаясь, сумки, пакеты, коробки с рассадой, мешки с саженцами. Некоторые свернули в станционный магазинчик «Масленок». Возле него двое запущенных мужиков, лет под сорок, пили портвейн. Серое длинное туловище электрички поползло за поворот. Оттуда раздался гудок.

– Дачники, мля, – сказал один алкаш другому, передавая захватанную пальцами бутылку. – Делать им нечего мотаться туда-сюда.

Но им, дачникам, было что делать. Это была их земля. Их законные шесть соток. Они не давали умереть с голоду еще каких-нибудь пятнадцать лет назад. Они были символом вечной тяги русского человека к труду на себя. На своей земле. Поэтому два раза в сутки на маленьком полустанке из душной переполненной электрички выбирались на воздух три-четыре сотни человек. Глубоко вздыхали и шли по знакомой до последнего кустика тропинке, через лесок, к себе в поселок. И опять на станции наступала тишина, только на песчаном карьере урчал экскаватор, и доносилась откуда-то из поселка песня:

Лето – это маленькая жизнь порознь.

Тихо подрастает на щеках поросль.

Дом плывет по лету, а меня нету.

Лето – это маленькая жизнь...

(Автор песни Олег Митяев – прим. авт).

* * *

– Ну, вот оно, твое хозяйство, – круглый и загорелый, председатель кооператива в майке и белой хлопчатобумажной кепке снял замок с калитки и пропустил вперед себя средних лет мужчину. Они зашли на небольшой, заросший травой участок, в глубине которого стоял маленький зеленый домик.

– Вот, принимай, располагайся, устраивайся. Бани тут, правда, нет, но мыться и на речке можно. Водопровод подключим сегодня, кстати. Ты точно не пьешь? – безо всякого логического перехода спросил председатель.

– Только в нерабочее время и под хорошую закуску, – ответил известной цитатой его собеседник.

– Ладно, располагайся, потом давай в правление. Я там буду.

Председатель выкатился с участка. Человек прошел к домику, не без труда провернул ключ в скважине и ступил в пыльный жаркий полумрак. Кровать с панцирной сеткой, стол, пара стульев, старинный комод, потрескавшаяся печь. Это теперь было его жильем. Возможно, последним. Впрочем, здесь была тишина, в ней человек нуждался больше всего. Правда, посидев в этой тишине с минуту, он отчетливо ощутил своей, почти звериной, интуицией отголоски, остатки какой-то беды. Она не то когда-то уже случилась здесь, не то маячила на временном горизонте. Но еще через минуту человек уже вынимал гвозди из досок, приколоченных крест-накрест к ставням, распахивал окна, мастерил веник из густорастущей вокруг полыни. У него впервые за долгое время появился свой дом, и он возрождал его к жизни.

* * *

Кабинет главы администрации поселка, в чей округ входил и дачный кооператив, являл собой смесь советского стиля и влияния 21 века. Старая заслуженная полированная мебель

времен Брежнева соседствовала с жидкокристаллическим монитором компьютера и плазменной панелью телевизора. Сам глава сидел на новом кожаном, с высоким верхом, кресле, а два его крупногабаритных гостя скрипели старыми стульями, обтянутыми цветастым репсом.

– Ну, и каково будет резюме, почтенный Аркадий Андреевич? – спросил один из гостей, полный мужчина с обрюзглым лицом, но с цепким умным взглядом.

Глава еще раз пролистал стопку бумаг, побарабанил по столу пальцами, потянулся было к телефонной трубке, но передумал. Достал из пачки «Парламента» сигарету, прикурил, посмотрел в окно и наконец сказал:

– Ну... добро. Начинаем оформлять.

Мужчины, как по команде встали, пожали главе руку и вышли. Через минуту от здания администрации, мягко урча, отъехал темно-серый «Лексус» с номером 666.

* * *

– Мама! Ну, иди скорее, я не могу уже держать! – почти истерично кричала издерганная женщина куда-то вглубь двора. Она изо всех сил прижимала старое полотенце к отверстию крана, из которого густыми потоками сочилась рыжая вода. – Дали воду, называется, – ругалась женщина, – тут вон, все прогнило насквозь. На хрен бы вообще эта дача обосралась. И так проблем выше крыши.

Из-за угла вывернула мама, лет около шестидесяти, полная, но не утратившая обаяния, плавными движениями и с поставленной дикцией опытного педагога:

– Не психуй, Наташа. Что за манера сразу истерики закатывать?

– Сейчас затопим участок, я на тебя посмотрю, как ты не будешь психовать. Чего смеешься, держи полотенце, я попробую перекрыть. Смеется, как эта...

– Девушки, помощь нужна? – у калитки стоял тот самый человек, который час назад заселился в сторожку.

– Ой, помогите, пожалуйста, – хором заблажили обе.

Через полчаса кран открывался и закрывался, пропуская уже очистившуюся от зимней ржавчины воду.

– Огромное Вам спасибо! А то прямо беда. Дача старая, все старое, руки приложить некому. Мужиков нет у нас в семье, – с интонациями опытной свахи плела свои сети мама Наталья.

– Ну, если что, обращайтесь. Я в доме сторожа живу. Ваш новый сторож. В кооперативе.

– А звать-то Вас как?

– Имя у меня редкое. Ян. Папа поляк был.

– А Вам идет. А я Светлана Михайловна. А это – Наташа. Дочка. Хорошая она у меня, только не везет ей, – наладилась мама на все ту же тему, а Наташа, покраснев, стала зачем-то вытирать старый таз.

– Ну, я пойду. Зовите, если что...

* * *

Двое на станции допили портвейн. Хотелось еще, но денег не было. Зловредная продавщица Римма в долг не дала.

– Эх, жизнь бекова, нас гребут, а нам некого, – выдохнул вместе с дымом «Примы» длинный мосластый 42-летний Волоха. Он вернулся из колонии в Оловянной сюда, в пригород Читы, всего три месяца назад. Работы в поселке не было, в город ездить – накладно, вернее, не на что: сорок рублей в один конец. Приходилось перебиваться мелкими работами на участках или кражами. Вот и сейчас Волоха ткнул под бок своего собутыльника:

– Слышь, Быча, кому спишь? Кончай ночевать, рогами о бабках шевелить надо. Аляулю, э?

Быча был на десять лет моложе и в тюрьме пока не сидел. Но также не имел работы, да и не стремился ее иметь. На портвешок и «Приму» подкидывала то мать с пенсии и огородных заработков, то старший братан – путевой ремонтник. «Пей, только не воруй», – говорил брат, отмусоливая пару раз в месяц зеленоватую тысячерублевку.

– Короче, дело такое. Я там надыбал участок один, в кооперативе этом сраном. Там емкость есть, по ходу – дюралка, бак топливный с самолета. Вдвоем упрям, поди, ночью. Это как минимум штука, а то и больше. Ваньке Цзяну сдадим. Так что давай, отрывай жопу, пойдем зафиксирuem, где она. А как балдоха зайдет – помоем.

* * *

– Значит так, Ян Станиславович, – председатель кооператива уже сменил майку на военную рубашку и расстелил на самодельном столе план дачного поселка. – Главная головная боль у нас – это зареченские. Шерстят по ночам, только шуба заворачивается. Металл тащат, в дачи забираются, дрова воруют. Летом, конечно, поспокойнее, все-таки люди кругом, а вот осень-зима прямо беда. Хорошо, что у тебя разрешение на ствол есть. Деньги выдадим – купишь. На себя оформишь. Да, и собак пару надо завести. Смотри, где самые проблемные точки у нас: вот дорога, которая ведет из Заречной через кооператив прямиком до Каменки. Воровайки по ней и уходят. В Каменке китаец живет. Ванька Цзян. Еще с 90-х годов. Вот он и скупает металлы.

– А что не посадили?

– А кому это надо? Да и платит он, наверное. В общем, не наше это дело. Наше – чтобы не таскали ничего. Ты вот что, пока светло, карту возьми, обойди поселок, прогуляйся, ну и посмотри, что к чему. Ты человек военный, так что разберешься.

– Вопрос у меня: а что это за развалины рядом со сторожкой?

– Лагерь там был пионерский. Давно еще, при Советской власти. Потом закрылся, ну и растащили его. А сторожка твоя – это флигель прежний. А у лагерного сторожа был большой дом. Капитальный. Только сгорел он в нем заживо. Говорят, жена сожгла. Ты на территорию лагеря не ходи. Всякое про нее болтают. Впрочем, скоро его восстанавливать будут. Я слышал в зареченской администрации – спонсоры какие-то нашлись. Аж с Америки. Ну, давай, завтра зайдешь расскажешь, как и что. А мне пройтись по должникам надо – за свет деньги собирать.

* * *

Наконец-то он выпался. И хотя ночью было холодно и комары атаковали кисти рук и лицо, зато можно было полностью отдаться всепоглощающему сну, не боясь удара кулаком по лицу или ременной пряжкой по чему придется, и не услышать этого ненавистного гортанного голоса: «Э, чэргыла. Падьем, да?»

Он ушел из части, сам не зная как. Просто сперва, словно в гриппозном бреду, брел по задворкам, а затем как-то незаметно для себя оказался по ту сторону колючей проволоки. И только когда увидел нарядно раскрашенные ЗиЛы и КамАЗы на площадке хранения за колючкой, понял – он уже вне пределов этой территории зла. Теперь ему оставалось идти, и как можно дальше. Услужливая память подсказала – дачный поселок в пятнадцати километрах. Там он бывал в детстве у школьного приятеля. Там есть ручей. Там можно выжить. Он шел напрямик, через лес, ломая хребты. Перед каждой поляной, лужайкой, перед каждым открытым местом замирал и, как заяц, глазами и ушами обшаривал пространство. Но леса были пустыми, и потому он добрался до укромного местечка, где из каменной чаши бил небольшой фонтанчик источника. Песчаное дно играло на солнце золотыми крошками. Подумав, он обустроил шалаш не у самого водопоя – сюда могли прийти за водой дачники, а выше, в большой впадине на склоне, как специально огороженной гранитными валунами. Хотелось есть. Но голод пересиливало чувство безысходности и необыкновенной тоски. Он ушел в никуда, и теперь ощущал, как неотвратимо надвигается на него предел его короткой 18-летней жизни.

* * *

День кончился незаметно, как всякий день в самом начале лета, когда хлопоты и заботы не дают разогнуться настоящему хозяину до самого темна. И только когда далекая сопка перестала сиять медью заката, а над участками закурились дымки бань, движения и звуки стали затихать. Тихо всплескивала вода на перекатах, лаяла вдалеке одинокая собака и еле слышно опять доносилась песня про то, что «лето – это маленькая жизнь». Затем ее прервали позывные «Маяка».

Ян после генеральной приборки и купания в Ингоде отдыхал, вытянувшись на сиротской кровати, застеленной армейским одеялом, – армия не отпускала его и после увольнения в запас. Сейчас он ни о чем не думал, перед усталыми глазами мелькали эпизоды прошлой жизни. Вот бесконечные марш-броски и подъемы-перевороты на турнике в училище. Вот шампанское и новенькие золотые погоны. Вот робкая девочка, трогательно вздыхая, позволяет расстегнуть на себе простенькое платьице. Вот пищит в одеяльном свертке смешной кругленький человечек. Вот горы ходят ходуном и земля набивается в рот. Вот на предельно низкой высоте идут Су-24. Идут так низко, что можно разглядеть все подвесное снаряжение под крыльями: ракеты и топливные баки. Стоп! Топливные баки! Сегодня, когда он обходил поселок, на окраинной улочке заметил на крыше бани топливный бак из дюраля. Явно старый – еще от МиГ-23. А поодаль его жадно рассматривали два субъекта – никак не дачники. Увидев Яна, они неторопливо пошли вдоль по улочке, вроде как прогуливаясь. И сейчас редко когда подводящая интуиция сказала ему – подъем!

* * *

На смену постоянной сонливости пришло чувство голода. Родниковая вода, промыв на несколько раз пустой желудок, теперь вызывала тошноту. Голодные спазмы выворачивали организм и гнали его из логова прочь. Разум уступил место инстинкту выживания. Он выбрался из своего, ставшего уже родным укрытия и двинулся в поселок, ориентируясь в темноте на огни дальних домов и шум поездов. Он уже не жалел себя. Чувство острой жалости и бешеного бессилия уступило место тупому равнодушию. Теперь он существовал одними инстинктами и все больше терял способность размышлять. И только картины недавнего кошмара все еще кололи сознание.

Вот нарядный стол и рядом немногочисленные друзья. Вот сборный пункт, стрижка, баня и привыкание к жаркой, неудобной форме. А вот за автобусом захлопывается пасть ворот, и он с пятью такими же робкими, наголо остриженными и от этого лопоухими переступает порог гулкой прохладной казармы, где пахнет хлоркой и мокрыми полами. Вот первая ночь и красные круги перед глазами – от получасового стояния в полуприсяде. Он смог вытерпеть эти полчаса и не получить табуреткой в грудь. Но на тридцатом по счету «упоре лежа» сломался и изо всех сил зарядил кулаком в нагло ухмыляющуюся носатую рожу. Затем мгновенное избиение, медсанчасть, задушевная беседа с особистом, на которой он предпочел отмолчаться. А на следующую ночь все повторилось, только теперь для него одного. Других призывников больше не трогали – они уже уяснили свое место в казарменной иерархии и молча играли роль рабов для тех, кто прослужил дольше всего на полгода. После третьей ночи он опять был бит и опять за то, что заехал кулаком в ненавистное паскудное лицо. И только тогда сломался.

Поселок засыпал. Еще где-то звучала музыка, фары припоздавшей «Хонды» шарили по склону сопки, но сумерки становились все гуще. Теперь он шел не прячась, всматриваясь в окна дач. Он искал те из них, где сегодня пусто. Но по причине пятницы почти везде горел свет.

Вот, наконец, и темный провал на окраине светлой череды домов. Дача пуста. Он понаблюдал за ней минут десять – нет, огонь не вспыхнул, никто не вышел из бани или оштукатуренной белой избушки. Стараясь ступать как можно тише, скользнул к калитке и нащупал

на ней навесной замок. Потом переместился к плотному дощатому забору и уже был готов рывком подтянуться, но тут на плечо сзади легла ладонь. Дыхание сорвалось и в виски ударил поток страха.

* * *

– Быча! Быча, твою мать! Ты где? – орал Волоха, держась за палисадник у дома, где жил его будущий поделщик, – выходи, мля, хорош ночевать.

– Чего разорался-то, – Быча появился откуда-то сзади, – я до Титихи ходил, спирта взял.

– О! Красава. Щас полирнемся и – на дело.

Они дошли до старой черной бревенчатой водонапорной башни. Аккуратно, при свете зажигалки разбавили наполовину спирт водой, затем присели тут же на влажные бревна, по очереди опрастали пластиковую бутылку. Волоха занюхал свою порцию спичечным коробком, Быча достал половину луковицы. Покурили.

– Ну что, помудохали? – и поделщики двинулись по мягкой песчаной дороге, испещренной рубчатыми протекторами самосвалов.

* * *

Председатель кооператива Николай Иванович отдыхал после бани, натерев пчелиным ядом поясницу и обернув ее старым пуховым платком. Маленький телевизор показывал очередной детективный сериал, в углу на тумбочке начинал шуметь электрический самовар. На крытом клетчатой клеенкой столе в миске блесст помидорами и маслом овощной салат, рядом дымилась тарелка с картошкой. В холодильнике дожидалась своего часа холодная чекушка. Николай Иванович блаженствовал: грядки были политы, редис прополот, навоз раскидан, боль в спине постепенно проходила. Если бы не завтрашний приезд жены – он был бы счастлив в полной мере. Жена создавала ненужную суету и придумывала сотни разных дел, исполнения которых требовала немедленно. Но сегодня в душе и в доме царил покой.

Николай Иванович достал из морозилки 250-граммовую бутылочку, сел, слегка охнув, на табурет – спина отошла еще не до конца, нацедил ставшую густой от холода водку в граненую рюмку на короткой тонкой ножке, не торопясь выпил содержимое, утер губы ладонью и подцепил ложкой разваренный картофельный кусок с приставшими волокнами тушенки. И тут со стороны калитки услышал: – Иваныч! Тревога!!!

* * *

– Солдат? – спросил пойманного у пустой дачи парнишку Ян, хотя это было и так ясно – новенькая, но уже замусоленная «цифра», стрижка наголо, разбитые губы, ссадина на скуле и синяк во весь левый глаз. У пойманного бойца перехватило горло, он только и смог кивнуть.

– Ну-ка, двигай сюда. Не будем тут светиться, – сказал Ян и поволок пленника в заросли черемухи у железнодорожной насыпи. «Бить будет. А может, и убьет. И пусть», – без эмоций и как-то даже лениво подумалось беглецу.

– Сядь тут и не дергайся. Ты мне все дело чуть не испортил. Молчи, что бы не случилось, понял? И не бойся. Ничего я тебе не сделаю. Сейчас гостей дождемся, потом пойдем ко мне – пожать дам. Голодный, наверное?

Интонации этого мужика, одетого в камуфлированный комбинезон с капюшоном, были каким-то свойскими и успокаивающими. За несколько дней ада в казарме он уже отвык от такого отношения и сейчас, боясь прослезиться, опять кивнул.

– Старшие били? – полуутвердительно спросил он, – хотя какие, к черту, у вас могут быть старшие, год всего-то и служите.

– Дагестанцы, – выдавил из себя первое за сутки слово беглец.

– Вот уроды, – пробурчал Ян, взглядываясь в сумерки и к чему-то прислушиваясь. – Ладно, разберемся. Тебя как звать-то?

– Степан...

– Все, Степка, сиди и, что бы ни случилось, не вылазь, понял? Я тут гостей жду. Все, сидим молча.

Луна уже висела над ближайшей сопкой и дарила косые призрачные тени деревьям. В тишине вдруг стали ощутимо усиливаться мягкие шаги – кто-то шел по рыхлой грунтовке. Ян приложил палец к губам. Степан кивнул и сжался еще больше.

Из темноты вылепились две фигуры, приближаясь к калитке, где полчаса назад Ян поймал солдата. Повозившись у калитки, сдернули чем-то навесной замок и просочились в проем. Ян неслышно двинулся за ними. Фигуры остановились у брусчатой бани, и один из них посадил второго. Оказавшись на покато́й крыше, он простучал белеющий в темноте топливный бак от истребителя, попинал ногой, попытался приподнять.

– Не очень тяжелый, но изнутри что-то держит. Наверное, кран. Надо в баню лезть.

Однако взломать врезной замок на банной двери им не удалось. Из темноты раздался негромкий, но властный голос:

– Замерли, ребятаки, монтировку бросили, потом легли, и морды в землю. Считаю до трех, причем два уже было. Потом стреляю на поражение.

Быча замер и послушно хлопнулся животом на тротуарную плитку, которая была уложена возле бани. Волоха же замахнулся монтировкой и заорал:

– Отошел нах...! Башку проломлю! – и, не разглядев при свете луны в руках сторожа никакого оружия, пошел в атаку. Монтировка обрушилась на голову, вернее, должна была обрушиться, но Ян резко ушел влево, схватил Волоху за рукав вооруженной руки, дернул на себя, затем крутанул его вокруг своей оси и бросил лицом вниз. Пяткой берцев наступил на запястье – кисть разжалась, и в следующее мгновение монтировка улетела в темень зарослей малины. Еще через пару секунд брючный ремень зафиксировал заведенные за спину руки.

– Сука, падла, че творишь-то? – сипел, извиваясь, как гусеница, Волоха, – ты че, мусор, что ли? Ну, отпусти пацанов, все, поняли мы, сюда больше не сунемся.

– Ты вообще тут больше никуда не сунешься. Это я тебе обещаю, – спокойно ответил Ян, и в это время уже за забором раздался крик:

– Стоять! Упал! Руки за голову!

Рывком поставив Волоху на ноги, Ян потащил его к выходу. Чтобы тот не тормозил, пришлось задрать связанные руки почти до лопаток.

– Пи...р, мля, больно! Отпусти, козел!!!

За калиткой лежал Быча. Пока Ян обезвреживал Волоху, он на четвереньках добрался до калитки и рванул по дороге, но был свален подсечкой и истошным криком. Это Степан не высидел в кустах. Сейчас он сидел верхом на Быче и крутил ему руки за спину.

– Отлично, боец! – подошел к ним Ян, – выношу благодарность. В темноте этого не было видно, но Ян почувствовал, что солдат улыбнулся.

Быче руки связали бельевой веревкой с дачного участка – ремня у него не было.

– Ну, граждане воровайки, в колонну по одному, вперед марш. Шаг вправо, шаг влево – попытка к бегству.

– Ну, точно мусор, мля. Сука, – хрипел Волоха.

– Ошибаешься, бродяга. Мотострелковые войска.

– Кадет х...ев, – сплюнул Волоха сукровицу.

– Прощаю ввиду твоей малограмотности и тяжелого детства. Все, вперед.

По дороге двинулись теперь уже четыре тени.

* * *

Заядлый дачник и рыболов по прозвищу Свисток (фамилия его была Свистунов, но и внешность, и поведение как нельзя лучше подходили под эту кличку), вдоволь набросавшись спиннинга, но не вытащив ничего, кроме куска пенопласта, мирно дрейфующего по реке, и выругав полную Луну, отправился домой. Идти через территорию лагеря не захотел: еще десять лет назад по поселку гуляли слухи, что ночами тут бродит призрак заживо сгоревшего сторожа. Свисток особо не верил в рассказы. Но сейчас, когда каждый куст или столб на развалинах лагеря выглядел жутковато, он выбрал другую дорогу.

Подойдя к окраине улицы, Свисток услышал звуки. Там явно шла драка. Подкравшись поближе, он увидел, как метнувшаяся из кустов черемухи фигура подножкой сбила наземь выскочившего из калитки человека, а затем с территории участка вышел еще один, толкая впереди себя человека с явно связанными руками. Свисток отступил в тень старой березы и рванул в сторону правления кооператива, рядом с которым жил председатель.

* * *

В это же время на окраине Читы в элитном коттеджном поселке, в сауне, расположенной в цокольном этаже солидного особняка, блаженствовали трое мужчин. Двое – полных, рыхловатых, заплывших ранним жирком и один – сухой, жилистый, с ежиком седых волос, тонким прямым носом и поджатыми губами. Казалось, ему не нравится то, что сейчас происходит.

Выйдя из парилки, все трое окунулись в отделанный изумрудной плиткой и подсвеченный изнутри бассейн, а затем, завернувшись в белоснежные махровые простыни, расселись в плетеные кресла возле такого же плетеного столика. Один из толстяков проворно наполнил округлые бокалы коньяком, худощавый неприязненно посмотрел на это и демонстративно налил в высокий стакан минеральной воды без газа.

– Ну, так у нас не принято, Патрик! Хорошее дело всегда надо хорошо обмыть. А то удачи не будет, – запротестовал второй толстяк.

– Я много бываю в России, – подбирая слова, медленно выговорил худой, и акцент выдал в нем иностранца, – и видеть, что вы очень много обмывать, но только удачи как нет, так и нет, – язвительно улыбнулся он в конце фразы и отпил глоток воды.

– В нашем случае все будет о кей, – уверил его тот, что был на разливе, – у нас всегда все о кей.

– Я хочу верить, господа, но как это говорить у вас: не скажи «поп», пока не прыгнешь? Я хочу знать, как долго будут готовы документ на землю?

– Патрик, донт вори! Мы сделали все, что могли. Документ будет на этой неделе.

– Тогда, господа, я иметь честь кланяться. Мне пора в отель.

– Патрик, джаст э момент. Сюрприз! – сказал «бармен», и, как будто по неведомому сигналу, дверь распахнулась – и у бассейна показались три крашенные блондинки, на которых из одежды были только банные шлепанцы.

– Рашн герлз! – шумно объявил, словно в цирке, второй толстяк, – презент! Плиз, Патрик!

Патрик брезгливо оглядел упитанные тела всех трех девиц, легко поднялся из кресла и учтиво произнес:

– Я быть благодарен, господа, но я имеет неважный самочувствий. Я ехать спать. Гуд бай! – и он покинул сауну. Девицы недоуменно переглядывались.

– Я тебе говорил – он бабами не интересуется, – сказал один из оставшихся.

– Педик, что ли?

– Да нет. Я не так выразился. Он любит баб. Только помоложе. Очень молодых. Ты меня понял?

– Я думал, он только зарабатывает этим.

– Хрен ты угадал. Девки, свободны!

* * *

Чертыхнувшись и так и не закусив, Николай Иванович прошлепал к калитке. Там уже пританцовывал от нетерпения Свисток.

– Иваныч, драка там!

– Чего ты опять свистишь? Какая драка? Полночь на дворе!

– Там, у дачи громовской. Ну, где летчик этот живет.

– Вот етит твою через коромысло. Кто дерется-то?

– А я знаю? Четверо вроде их...

– На кой хрен я сторожа взял? Черт-те что в поселке творится. Началось в деревне лето! Ну, пойдем глянем.

– Может, милицию вызвать?

– Посмотрим...

Но только председатель и Свисток отошли от правления, в глаза им ударил свет фонаря.

– Свои, Иваныч, – раздался знакомый голос. Навстречу шел Ян, ведя впереди себя двух мужиков со связанными руками. Позади ступал еще кто-то, незнакомый. Он не подошел к фонарному столбу, а остался ждать в тени.

– Задержаны при попытке кражи емкости для воды. Бак там дюралевый самолетный.

– Да знаю, знаю. Как это ты их прихватил?

– Вечером обход делал. Смотрю – двое крутятся у дачи. Явно не дачники по виду. Решил подежурить – и вот, клюнули.

– Ну даешь, етит твою через коромысло! А там кто у тебя?

– Знакомый. Случайно оказался. Помог вот этого взять, – толкнул он Бычу.

– Ладно, Ян, ты иди, отдыхай, я тут уж сам разберусь.

– А заявление? Я бы написал.

– Завтра, завтра. Все – завтра. Я их пока в правлении закрою. Не сбегут. Молодец, Ян, а я еще сомневался.

Как только сторож с солдатом скрылись в проулке, Волоха развернулся к председателю:

– Ну что, Иваныч, не узнал?

– Поговори мне еще! Свисток, а ты давай до хаты. Не до тебя сейчас.

Подхватив удочки, Свисток исчез в ночи.

– Узнал, узнал, Вова, – теперь Николай Иваныч говорил совсем другим тоном.

– Ну а хрена ли стоишь? Развязывай, давай. Откуда такого бодрого сторожа взял?

Председатель развязал Волоху, тот распутал Бычу.

– Смотри, Иваныч, – растирал он кисти рук, – вякнешь кому или мусоров подтянешь – мы молчать не будем. Сколько мы тебе кабеля принесли в том году? А железа? А счетовода из ревизии кто отмудохал перед отчетом?

– Да знаю я все. Валите – отмажу. Но и вы не попадайте больше. Сторож этот из вояк. Грамотный. Это вам не дядя Петя!

– Ну, смотри, мы тебя предупредили!

Волоха и Быча зашагали в сторону станции. Председатель постоял, плюнул. Вернулся в дом и в два глотка осушил чекушку прямо из горла.

* * *

– Да ты не спеши. Ешь спокойно! – посмеиваясь, подкладывал Ян Степке бутербродов. Тот глотал их судорожно, как получивший подачку у магазина бродячий пес. Наконец, допив чай и утерев ладонью испарину со сгоревшего на солнце лба, он осоловело откинулся на спинку стула. Глаза его закрывались против воли.

– Э, нет, так дело не пойдет. Теперь марш мыться. Во дворе кран с водой и шланг. Раздевайся полностью, никто тебя сейчас не увидит. Форму завтра постираешь, а пока на вот, – Ян выложил из рюкзака камуфлированную футболку, спортивные штаны и белье. Степка с трудом преодолел притяжение стула и, прихватив мыло с полотенцем, заковылял во двор. Спустя пять секунд зажурчала вода.

Ян прибрал со стола, вышел на крыльцо и закурил, глядя на освещенные низкой луной колючие сопки. Армия опять вторглась в его жизнь, вероломно и неожиданно. Она уже отняла у него жену, ребенка и право на нормальное существование в обществе. Теперь он был изгой, достойный только охранять чужие дачи, и со временем превратится в угрюмого отшельника. Впрочем, сейчас он об этом и не жалел – его душа и разум нуждались в тишине. Правда, сегодняшнее приключение подсказало ему – тишины и спокойствия он тут не найдет. Но, с другой стороны, он ощутил себя действительно нужным.

Степан, освеженный и переодевшийся, с полотенцем на плече вынырнул из тени.

– Ложись на мою койку, отсыпайся хорошенько. Завтра будем думать, что нам делать.

Ян извлек из-за печки сверток, и в его руках он превратился в спальный мешок. Подумав, вынес его на улицу и долго лежал без сна, слушая редкие звуки дачной ночи. Огонек его сигареты, то вспыхивая, то еле тлея, отражался в оконном стекле.

* * *

С утра у Натальи все валилось из рук. Она не любила эту дачу. Сколько помнила себя – с раннего детства родители каждый год выбивались из сил, чтобы превратить участок из пяти соток в нечто пригодное для проживания и выращивания скромного урожая. Ей до тошноты надоели и этот поселок, и духота с давкой в электричке, и паузы с комарами, и никак не желающие завязываться помидоры. Правда, дом отец успел построить – двухэтажный, с мезонином, резными наличниками и верандой. В нем всегда было прохладно и после мытья полов приятно пахло мокрым деревом. Наталья с удовольствием использовала бы свой отпуск для поездки куда-нибудь на море.. Но она не могла оставить одной свою заполошную, болтливую и во многом беспомощную мать. Так они и куковали все лето, выжимая из давно истощенной земли последние соки.

Правда, вчерашнее приключение с краном и неожиданным помощником внесло в дачное обитание привкус ожидания чего-то хорошего. Поневоле она мысленно возвращалась во вчера и вспоминала Яна. Больше всего ее поразило – какие у него безмерно усталые глаза на молодом лице. Но тут с лица мысли соскальзывали на подтянутую стройную фигуру, и затем в голове начинался хаос, от которого ей становилось не по себе. Она уже давно была одна – с тех пор как с помощью матери выставила из их квартиры мужа – романтика, бездельника и пьяницу. Она познакомилась с ним через Интернет и была сперва очарована умением общаться, энциклопедическими познаниями, манерами в обращении. Но потом прошел год и другой, ее поэт-романтик предпочитал сутками шариться во всемирной Сети, выдавая свое ничегонеделание за поиск смысла бытия и обещание вот-вот разродится не то романом, не то сценарием, который принесет моментальную всемирную славу и большие деньги. Правда, дальше философствования за бутылкой дешевого портвейна дело не пошло – и будущему гению отказали от поста. Детей они не нажили, причина бесплодия была именно в муже. Искать мужика для удовлетворения физиологической потребности Наташа не умела, и потому сейчас, вспоминая Яна, злилась на себя за неконтролируемые эмоции. Но при этом признавалась, что хотела бы его увидеть.

* * *

Председатель правления восседал за столом, пребывая в самом неприятном расположении духа. Вчерашнее происшествие с зареченскими ворами и выпитая чекушка отзывались в организме угрызениями совести и покалыванием в печени. «Черт бы побрал этого вояку, надо было же ему влезть в эту канитель. Чего я, дурак, какого-нибудь пенсионера не взял. Теперь выкручивайся перед ним».

Словно в ответ на невеселые думы председателя, в дверь постучали. На пороге стоял Ян, как всегда свежий, побритый, в начищенных берцах, отглаженной футболке и камуфлированных брюках.

– Здравия желаю, Николай Иванович!

– Здоров, Станиславович!

– Я по поводу вчерашнего. Милиция была?

Председатель замялся.

– Ты, это, садись. Пиво будешь?

– С утра-то? Нет, спасибо. Ну, что по поводу этих воровает?

– Тут видишь, какая ситуация получается. Ну, посадят их, хотя вряд ли, конечно, чего там, жестянку хотели спереть. Ущерб-то незначительный. Так потом или они, или дружки их придут. Напакостят, сторожку твою сожгут, например. Уже было такое: собак как-то наших потравили, у меня теплицу раскурочили всю. Тут же анархия полная. Вот ты шуганул их – теперь они долго не появятся.

– Так вы их отпустили, что ли?

– Ну а что мне оставалось? Да и не поехали бы среди ночи менты из-за такой ерунды.

– Дело ваше, конечно, только на будущее, я думаю, надо договориться: если я получаю деньги за охрану, я отвечаю за поселок. И действую методами, которые сам посчитаю приемлемыми. Идет?

– Да погоди ты. Успокойся. Так-то оно так. Но ведь ты же тут один, понимаешь? Ну, прошелся вечером попозже по поселку, посмотрел что и как, если кого заметил – спугнул. А хватать и тащить – это уже не наше с тобой дело.

– Извините, Николай Иванович, но в таком случае, получается, что люди платят за услугу, которой нет фактически?

– Ну, почему – нет? Но и на рожон лезть не надо. Вот сейчас купим ружье – в округе все сразу будут знать, что сторож вооружен, и сами не полезут. А сейчас ты иди, я пойду прилягу, что-то печень пошаливает.

* * *

Уже начало припекать. Утренний туман превратился в облака, и те сейчас растягивались по небу едва видимой пеленой. Из-за заборов пахло цветущей черемухой. Стучал по рельсам грузовой поезд. Ян шел от председателя и обдумывал содержание разговора. Что-то ему не нравилось. Скорее всего – как растерянно и испуганно забегали глазки у Николая Ивановича. Он явно что-то не договаривал. Тут был не просто страх мести, а какой-то свой, тайный, интерес. Уж больно активно уговаривал его председатель не напрягаться при исполнении своих обязанностей.

«Ладно, разберемся», – подумал он и тут же был остановлен раздавшимся сзади голосом:

– Здравствуйте, Ян!

За невысокой темно-зеленой калиткой улыбалась Светлана Михайловна – в сарафане и белой панамке, какие носили пляжницы лет тридцать назад.

– Утро доброе!

– Вы из правления?

– Да. Ходил на доклад.

– Ну заходите. Завтракать будем. Я блинов напекла.

Ян не стал раздумывать. Вчера ему понравилась дочка Светланы Михайловны, больше всего тем, как смущалась, совсем как юная студентка. Да и вообще, заняться пока было нечем, беглый боец отсыпался после скитаний, а для приведения в божеский вид земельного участка он еще не разжился инструментами.

В кухоньке было прохладно, тикали старые настенные часы с гирями на цепочке, пахло свежесваренным чаем и травами – их засушенные пучки свисали со стен.

– Чай у меня особый, – хвалилась хозяйка, разливая кипяток в прозрачные кружки, с мятой и чабрецом.

Чай и правда пах травами и был приятен на вкус. Затем Яну придвинули тарелку с блинами и пододвинули соусик со сметаной.

– Наташа! Доча! Иди чай пить!

Наташа появилась в кухонном проеме и, увидев Яна, замерла.

– Ой, здарсьте, – только и сумела сказать она и покраснела.

– Садись, давай, чего встала? Забыла, что ли, уже, кто нам вчера помог кран починить?

– Нет. Я просто... – тут она смутилась и стала сосредоточенно намазывать блин сметаной.

Некоторое время в кухне была тишина.

– Ян, а Вы надолго сюда приехали, в смысле устроились?

– Пока не знаю.

– А раньше где работали?

– Я военный. Теперь уже в отставке. До генерала не дотянул. Только до капитана.

– Ну, ничего, не всем же быть генералами, – щебетала Светлана Михайловна, – а семья ваша где?

– В другом городе. Мы разошлись. Давно.

– Ой, надо же, – как-то без особого сожаления сказала женщина и продолжила, – а жарато какая сегодня будет! Тут пляж есть небольшой. Песочек там, течения нету. Сходили бы искупались. Вот и Наталью бы с собой взяли, а то одной страшно.

Наташа в это время пила чай, опустив голову, как стесняющийся маленький ребенок.

– Я не против. Только схожу домой за полотенцем и всем прочим. Наташа, давайте через час?

– Давайте, давайте, – ответила за Наталью мама.

– Ну, тогда я не прощаюсь. Спасибо за блины! Давно таких не ел.

– А вы приходите таки почаще – на обед, на ужин. Все-таки, не всухомятку питаться.

Когда Ян ушел, Наташа резко вскинула голову:

– Мама, ну что ты начинаешь-то?

– А ничего! Помолчи! Мужик-то какой, ты посмотри: и руки золотые, и симпатяга, и видно, что не пьет. Да и ты ему нравишься, уж я-то, старая ворона, все вижу. И скажи мне еще, что он тебе безразличен?

Наташа опять вспыхнула и пошла в огород.

* * *

– Вот падла, весь ливер мне отбил, мазута гребаная, – ругался Волоха, разрезая вдоль огурец и посыпая его солью.

Сейчас они с Бучей сидели в небольшой запущенной избушке у зареченского «авторитета» – сорокасемилетнего Архипа, который лет пятнадцать обитал на забайкальских зонах за кражи и грабежи. Он откинулся полгода назад и, скучковав вокруг себя местную шпану, промышлял тем, что умел. Вот и вчера он отправил своих подмастерьев на «дело», и они скрутили все четыре колеса с микроавтобуса, принадлежащего владельцу продуктового магазина Джамалу. Разгневанный азербайджанец с тепловозным ревом носился по поселку в поисках утраченного, а Архип, прикупив спирта и закуски, угощал приятелей.

– Да, ты, Волоха, без люлей, как без пряников, – беззлобно посмеялся он, разбавляя спирт прямо в стаканах. Этот кадет, поди, из десантуры?

– Сказал – из пехтуры. Мабута, блин... Ладно, сейчас расслабимся, а потом пойдем посмотрим, что там за чудо-богатырь выискался.

– Главное, по нему не скажешь, что боец.

– Ну а чего ты хотел? Вояки и есть вояки. Чему-то же их учат все-таки. Но сам знаешь насчет лома и приема.

Все трое разом проглотили резко пахнущую жидкость и стали жевать огурцы.

– А вообще, братва, не тем вы занимаетесь. Мелочовка все это. Давайте о крупняке рогами шевелить. Мутить надо что-то.

– На том берегу, у парома, палатка стоит. Пряники там, муяники разные, консервы, макароны. Но главное – они водкой торгуют нелегально. И по ходу – самопалом. После выходных налички там не меряно. А сидит баба одна. У нее вечером поздно кассу барыга снимает. Из Читы приезжает. Может, ее выхлопать?

– Стремно, – заерзал Буча, – там народу, как вшей, пасется. Да и наши рожи уже примелькались.

– Буча, а ты с детства такой недоделанный? – Архип прикурил «Беломор». – Зачем самим-то хлебальниками сверкать, вон, шпаны сколько без дела по поселку шлындают. Наколку дадим, разжужаем, что и как, и долю отломим.

– О! За это надо накатить! – оживился засмуревший Волоха.

– Наливай тогда, чего сидишь.

* * *

– О, боец, да ты совсем мертвый! – вгляделся Ян в побледневшее осунувшееся лицо Степки. – И температура у тебя. А ну, открой рот. Да, ангина. Вот не было у бабы хлопот, так купила порося.

– Я пойду, наверное, товарищ капитан! У вас своих дел хватает. Спасибо вам за все.

– Ну, ты еще завещание напиши, солдат. Куда собрался-то? Сейчас раствор приготовлю – будешь полоскать горло раза три в день. Держи таблетки – температуру собьем. Да и антибиотики придется попить. Ангина – это серьезно. Потом, сердце посадить можно. Лежи и лечись, а поправишься – будем думать, как дальше жить. Смертельного пока ничего нет. Ты бы матери позвонил, ей, наверное, уже сообщили из части о твоём уходе.

– А можно?

Ян протянул мобильный телефон и вышел из избушки. Когда вернулся, Степка заметно повеселел. Он пил заваренный малиновым листом чай, морщась при каждом глотке.

– Мать сказала – прокурор приезжал военный. Сказал, что разберутся и наказывать строго не будут, просто переведут в другую часть. Только скорее надо...

– Пара дней ничего не решит. Лечись, а мне надо отлучиться тут по делам. Справишься один?

– Конечно! Спасибо вам большое, товарищ капитан!

– Вольно! Расслабься.

* * *

На территорию бывшего пионерлагеря «Солнышко» вполз массивный темно-зеленый джип. Позади шел еще один – поменьше. Из головной машины вышли два толстяка: глава поселковой администрации и сухопарый американец, недавно отдохавший в бане с толстяками. Из второй машины лихо высыпали четверо спортивных парней – явно охрана.

– Ну, вот, Патрик, вот это и есть та самая территория. Все как по заказу: лес, воздух, вода, тишина. Красота, правда?

– Вы, русские, часто хвалить ваша природа. Но такой же лес есть и в Вермонте, и на Аляска, и в Канада. Тут не хорошо что – много человек вокруг. Что это есть?

– Это есть дачи. Дачный поселок. Загородные резиденции, если угодно.

– Они не походить на загородный вилла.

– Это уж точно. Но нам-то какая разница? Поставим забор, будет охрана – никого постороннего сюда не пустят.

– Вы гарантировать мне полный приват... полную безопасность?

– На сто процентов, Патрик! Мы свое дело сделали. Теперь ваша очередь.

– О`кей! Сейчас я буду звонить, и вам будут переводить первую часть транша. Когда вы приступить к работа?

– Уже завтра.

– Вэлл. Я буду пронаблюдать – и Патрик пошел к джипу.

– Вот пендос засранный, – пробурчал вслед ему один из толстяков. Второй одернул: – Тише, мудака. Услышит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.